

О, как я хотел пить!

Молодые поэты нам себя не навязывают

**Владимир
КОРНИЛОВ**

НЕ ТАК ДАВНО Римма Казакова организовала в Переделкине семинар молодых писателей — событие по сегодняшнему дню небывалое! В ее группе были собраны в основном уже печатающиеся поэты — некоторые из них выпустили по одной или по две книги, а кое-кто даже попал в антологии. Без книги, насколько знаю, оказался лишь критик Евгений Лесин. Когда его стихи будут собраны в книгу, уверен, она станет поэтическим событием. Дело в том, что лесинские четверостишия коренным образом отличаются от ходивших лет двадцать назад анонимных страшилок типа:

Мальчик в деревне нашел пулет.

Больше в деревне никто не живет....

— тем, что это страшилки о себе самом, то есть перед нами настоящая лирика, к тому же брызжущая юмором. Такие стихи, несмотря на кажущуюся безнадежность, читателя не пригибают, а распрямляют.

В рассказе Эрнеста Хемингуэя «Отцы и дети» есть фраза: «Он освободился от многих вещей тем, что написал о них». Наблюдение замечательное, но, к сожалению, многие из нас, пишущих стихи, понимают его слишком буквально, придавая куда больше веса глаголу *освободился*, чем *написал*. От этого стихи порой вызвали в памяти анекдот о старом еврее: тот долго твердил в душном вагоне: «О, как я хочу пить!..», а когда ему дали написать, занял: «О, как я хотел пить!..»

Разумеется, неплохо освобождаться от шлаков несчастья, обиды и горя, однако вываливать их на читателя, которому и без них невелико, жестоко. Но куда их денешь? Такой вопрос рано или поздно встает перед каждым поэтом.

Недавно в книге покойного кинодраматурга Валерия Фрида «58 1/2 (Записки лагерного прикурка)» я прочел стихи замечательного еврейского поэта Самуила Галкина, написанные им в Лубянской тюрьме по-русски.

*Есть дороженька одна
от порога до окна,
от окна и до порога
вот и вся моя дорога.*

*Я по ней хожу, хожу,
ей все горе расскажу,
расскажу ей все тревоги
той дороженьке-дороге.*

*Есть дороженька одна
ни коротка, ни длинна,
но по ней ходили много
и печальна та дорога.*

*Я теперь по ней хожу,
неотрывно вдаль гляжу...
Что ж я вижу там вдали?*

*Нет ни неба, ни земли.
Есть дороженька одна
от порога до окна,
от окна и до порога.
Вот и вся моя дорога.*

Сорок лет назад об этих стихах мне рассказала Анна Ахматова. Она очень любила Галкина, не раз повторяла, что никто лучше и глубже его не понимает ее стихов и при этом никто не судит их так строго.

Галкин провел в заключении семь лет. Все его поделники — еврейские прозаики и поэты — были расстреляны, а его спас... инфаркт миокарда. Галкина поместили в тюремную больницу, чтобы, вылечив, расстрелять, но умер Сталин, и поэту высшую меру заменили лагерем, выйдя из которого он прожил всего четыре года.

Когда Галкин ждал смерти в лубянской камере, в его душе, очевидно, накопилось немало шлаков. Однако его стихи, к тому же написанные впервые не на родном языке и вовсе не для печати, оказались удивительно прозрачными. Они никак не напоминают жалобную книгу.

За десять лет до Галкина другой замечательный поэт — поляк Владислав Броневский — написал в советской тюрьме и тоже впервые по-русски такие строки:

«Человек звучит гордо».
*Сказал ваш Максим,
А меня бьют в морду
И зовут «сукин сын».*

Они тоже не предназначались для печати, и Броневский прочел их незадолго до смерти своему гостю Борису Слуцкому.

Можно сравнить оба стихотворения. У Броневского все выведено наружу, ничего не оставлено в подтексте. Поэтому, несмотря на гнев и иронию, на четкость и краткость, стих лишен тайны. У Галкина, наоборот, все внутри. На первый взгляд, перед нами что-то вроде немудрящей песенки. Галкин не навязывает нам событие, он даже не называет его. И печаль и безнадежность откроются лишь тому, кто сам пожелает заглянуть в бездну стиха.

И снова зададимся вопросом: куда девать шлаки? Как выводить их, не вываливая на читателя? Ахматова, сказавшая о себе:

*Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас
— делать это умела.* К сожалению, далеко не все современные поэты следуют ее примеру. Многие из нас уподобляются герою анекдота, продолжая повторять: «О, как я хотел пить!..»

Но, слава Богу, появляются новые поэты с действительно хорошими и разными стихами. На том же переделкинском семинаре гармоничными мне показались стихи и другой участницы — Галины Нерпиной. Философ по образованию, она не преподнесла нам некое рифмованное варево из метафизики и литературоведения, а одарила чистой лирикой. Она не обрушила на нас камнепад своих печалей и неудач, как нередко поступают поэтессы с большим стихотворным и житейским опытом. Все, что происходит в лирике Галины Нерпиной, это не сама трагедия, а лишь ее мудрый итог, а точнее — выдох после трагедии.

*Не любишь? — Вот так удивил!
А ты и раньше не любил.
Ведь мы случайно были вместе.*

*Иди! — А я уж как-нибудь.
И тепел не забудь стряхнуть,
Вон на плече,
на видном месте.*

Напряжение этого шестистрочного стихотворения так велико, что мы даже не замечаем бедной рифмы, даже скорей не рифмы, а почти тавтологии — «вместе-месте». Так нас захватило признание поэтессы.

Неудивительно, что в юбилейный год самые лучшие, на мой взгляд, и, естественно, самые неожиданные стихи о Пушкине написаны Галиной Нерпиной:

*...Но как только тепел старый,
Встрепенувшись, прокричит,
Этот путник запоздалый
К нам в окошко постучит.*

*То, что сбудется вначале,
Он нам смолоду сулил.
То, что скажет на прощанье,
Никогда не говорил.*

Так с Пушкиным давно не разговаривали.

Молодые авторы не навязывают нам себя. Наоборот, мы видим их в стихах, словно в перевернутом бинокле, отчего возникает желание узнать о них побольше.